

М. О. Пискунов

**БАЙКАЛЬСКАЯ КОНТРОВЕРЗА И СОВЕТСКАЯ
НАУЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ИСТОРИЯ ОДНОГО
СЕЙСМОЛОГИЧЕСКОГО СПОРА (1962–1963 гг.)***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-78–87

УДК 94(571.5)“1962/1963”:910.3(571.5)

ББК 63.3(253.5)632

Статья посвящена рассмотрению одного из сюжетов байкальской дискуссии в рамках подхода STS. Автор обращается к спорам о сейсмичности площадок Байкальского ЦБК (целлюлозно-бумажного комбината) и Селенгинского ЦКК (целлюлозно-картонного комбината) в 1962–1963 гг. для выявления специфики советской экспертизы и роли Сибирского отделения АН СССР в качестве эксперта. В феврале 1962 г. Сибирское отделение обратилось в Совет Министров СССР с предложением отказаться от строительства целлюлозно-бумажных производств на Байкале из-за повышенной сейсмоопасности выбранных площадок. Ученые СО АН определили последнюю в 10 баллов, после чего Госстрой запретил дальнейшее строительство Байкальского целлюлозно-бумажного комбината до точного выяснения этого обстоятельства. В конечном счете правительственная комиссия и дополнительные привлеченные строительные эксперты оценили площадки обоих комбинатов в 9 баллов. Попытка ученых СО АН оспорить этот вывод успеха не имела. Автор реконструирует события этой контрверзы и приходит к выводу, что в сфере экспертизы политический аспект байкальской дискуссии проявлялся не в позициях сторон и даже не в их аргументах, а в возможности правительственных институций определять, когда дискуссия была возможна, а когда она должна была прекратиться.

Ключевые слова: *байкальская контрверза, Байкальский ЦБК, экспертиза, Сибирское отделение АН СССР, экологическое движение, STS*

Байкальская дискуссия является одним из событий, структурирующих институциональный и содержательный дискурс советского знания об окружающей среде. При более или менее общем взгляде участников на онтологический статус природы и человека в ней эта дискуссия велась одновременно и как консультация по ряду технических вопросов, и как публичный спор по вопросам промышленной и экологической политики. В этом смысле история прений вокруг Байкальского ЦБК в 1958–1987 гг. выступает как модельная по отношению к сценариям циркуляции позднесоветского научного и экспертного знания в целом, то есть знания в ситуации, когда после смерти Сталина, пользуясь терминологией А. Юрчак, режим истины все еще определялся политически, но политические руководители уже не были готовы единолично взять на себя роль эпистемологического арбитра.¹

¹ См.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 103–116.

Пискунов Михаил Олегович — к.и.н., Школа исследований окружающей среды и общества, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФ, проект № 20-68-46044 «Воображаемый антропоцен: производство и трансферы знания об окружающей среде в Западной Сибири в XX–XXI вв.» (рук. О. В. Тимофеева)

Историография байкальской контрверзы обширна. Мы бы выделили в ней две тематические и проблемные группы. Львиную долю всех работ о Байкальском ЦБК составляют исследования, посвященные подъему советского экологического движения. Одной из первых публикаций такого рода стала статья 1978 г. американского политического исследователя С. Любомудрова, который, изучая противников Байкальского ЦБК, выдвинул тезис о дисперсности движения советских экологов.² С его точки зрения, скорее можно говорить о ситуативном союзе защитников Байкала, чем об экологическом «лобби». В русле этой традиции находятся и многочисленные рассказы участников событий: советских ученых и писателей, натуралистов, гражданских активистов, — которые с 1990-х гг. начинают писать мемуары.

Вопрос о советском экологическом движении неизбежно выходит на более широкие родовые категории: гражданское общество, публичную сферу, активистскую и институциональную политику. Из экологических историков имперской России и Советского Союза, занимающихся этими вопросами, можно

² См.: Lubomudrov S. Environmental Politics in the Soviet Union: The Baikal Controversy // Canadian Slavonic Papers. 1978. Vol. 20, iss. 4. P. 529–543.

назвать основателя направления Д. Винера.³ В этом контексте байкальская дискуссия становится способом изучать более или менее ограниченную позднесоветскую публичную сферу, а защитники Байкала явно или неявно сравниваются с диссидентами (коиными некоторые из них и были).

Немного иначе в русле этого подхода выступил Н. Брейфогель, автор скрупулезного исследования событий и контекстов рубежа 1950–1960-х гг. — самой ранней фазы байкальской дискуссии.⁴ Для него последняя, с одной стороны, является прямым продолжением ожиданий и энтузиазма советских граждан в период оттепели, а с другой — Брейфогель проводит параллель между советским экологическим движением, родившимся в результате противостояния Байкальскому ЦБК, и американскими союзами экологов, появившимися примерно в те же 1960-е гг. на волне движения за запрет ДДТ и противостояния химическим корпорациям.

Другой популярный историографический подход связан с фокусом исследовательского интереса в байкальских событиях не на обществе, а на государстве. Этот подход традиционен для политической истории и выстраивает сети своего интереса через вопросы государственной экологической и промышленной политики. В более современном духе интерес исследователей направлен на дискурсы, в которых государственная политика одновременно и сосредотачивается, и выражается. Из недавних работ по Байкалу можно выделить статью Е. Кочетковой о советском дискурсе охраны и очистки воды, который она изучает через два целлюлозно-бумажных предприятия: Байкальский и Светогорский ЦБК.⁵ Кочеткова обращает внимание на то, как озабоченность водами Байкала и самоорганизация профессионального сообщества перед лицом байкальской проблемы вызвали далее цепную реакцию озабоченности сточными водами вообще, состоянием советских рек и озер, причем государство этот дискурс скорее поддерживало и продвигало, чем ограничивало.

В своем новейшем тексте о Байкальском ЦБК Е. Кочеткова смещает фокус на то, что

она удачно обозначает как «институциональный дебат».⁶ Она обращает внимание, как занятие разных позиций в дискуссии зависело от различных институциональных акторов или социальных связей ее участников. Такая интерпретация уводит нас от простого противостояния научной истины и лжи или продуктивистского авторитарного государства и гражданского общества обеспокоенных экологов в более сложную область формирования сетей солидарности и союзов интересов.

При такой постановке вопроса байкальская дискуссия перестает быть просто дискуссией, то есть обменом противопоставленными друг другу мнениями, в котором должна обнаружиться правота одних и неправота других участников, а превращается в то, что Б. Латур и другие сторонники акторно-сетевой теории (ANT) называют контроверзой.⁷ Контроверза — это ситуация (в настоящем или в прошлом), когда исход спора еще не ясен, но при этом можно реконструировать, как формируются позиции сторон, с помощью каких материальных или социальных посредников сырые данные превращаются в чеканные формулировки «черных ящиков» науки. Подход STS (Science and Technology studies) или ANT как нельзя лучше соответствует цели автора — реконструировать движение экспертизы в байкальской контроверзе и роль сибирской науки в этом процессе. В этой и последующих статьях мы ставим два больших вопроса — о политических границах в спорах по Байкалу и особенностях субъектности недавно организованного Сибирского отделения Академии наук. Предварительный тезис состоит в том, что политически влиять на научную дискуссию означало определять границы, в которых можно было спорить. Эксперты СО АН при этом, обладая и научной, и политической субъектностью, существовали не только внутри экспертной дискуссии, но и пытались транслировать свою позицию вовне — в публичную сферу.

Историки обычно отмечают, что несмотря на то, что в Академии наук СССР в целом не было единства мнений по вопросу о Байкальском ЦБК,⁸ ее Сибирское отделение твердо

³ См.: Weiner D. R. *A Little Corner of Freedom. Russian nature Protection from Stalin to Gorbachev*. Berkeley, 1999.

⁴ См.: Breyfogle N. B. *At the Watershed: 1958 and the Beginnings of Lake Baikal Environmentalism // Slavonic and East European Review*. 2015. Vol. 93, № 1. P. 147–180.

⁵ См.: Kochetkova E. *Between water pollution and protection in the Soviet Union, mid-1950s–1960s: Lake Baikal and River Vuoksi // Water History*. 2018. Vol. 10, iss. 2-3. P. 223–241.

⁶ Kochetkova E. *Baikal Waters: Industrial Development and Institutional Debates, 1950s–1970s // Place and Nature: Essays in Russian Environmental History*. Winwick, 2021. P. 292–313.

⁷ См.: Латур Б. *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества*. СПб., 2013. С. 23–45.

⁸ См.: Josephson P. *New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian city of Science*. Princeton, 1997. P. 180–183.

отстаивало критическую позицию по отношению к целлюлозному производству на берегах Байкала. В 1980-е гг. в своих мемуарах М. А. Лаврентьев писал: «Руководство Сибирского отделения и его институты (Институт земной коры, Лимнологический, Институт леса и древесины и другие) твердо стояли на том, что проектное задание на Байкальский комбинат составлено неудовлетворительно и недостаточно обоснованно, что оно не обеспечивает защиту Байкала от опасных загрязнений. <...> Было много заключений, экспертиз, записок, ожесточенных споров. <...> Но под нажимом целлюлозников все эти предложения были отвергнуты».⁹ Некоторые исследователи даже утверждают, что твердая позиция Лаврентьева по этому вопросу была одной из причин его неожиданной отставки в 1975 г.¹⁰

Подход STS снимает естественные для политически нагруженной дискуссии дихотомии (ученые — целлюлозники) и размыкает основания самого факта «дискуссии» — концепта, который объединяет множество событий и действий различных субъектов на временной линии более чем в 30 лет. Разомкнув дискуссию как нечто единое, мы вместо политической проблемы, допустимо ли размещать в устье р. Солзан комплекс зданий и машин Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, получим комплекс отдельных скорее технических вопросов, на которые эксперты должны были дать ответ.

Насколько нам удалось установить, до горбачевской перестройки вопрос о Байкальском ЦБК и Селенгинском ЦКК окончательно так и не был поставлен политически, по крайней мере в принятых в СССР формах. В течение 1960-х гг. БЦБК и СЦКК по меньшей мере трижды обсуждались на заседаниях Совета Министров СССР, а вопрос о комбинатах так или иначе держали на контроле Д. Ф. Устинов и А. Н. Косыгин. Но, несмотря на бушевавшие в официальной советской печати страсти, БЦБК, похоже, никогда не обсуждался в Политбюро ЦК КПСС. То есть, с точки зрения советских руководителей, байкальская контроверза оставалась техническим вопросом, областью неизвестного, политическому разрешению которой должно было предшествовать внесение ясности экспертами. Многообразие экспертов и экспертных мнений,

вызванное сложностью вопроса, и создало ситуацию контроверзы. Мы коснемся только одного небольшого спора об оценке сейсмичности площадок БЦБК и СЦКК в 1962–1963 гг., но отметим, что даже в нем мы насчитали 13 экспертных организаций разного уровня.

Исследователи датируют начало байкальской дискуссии по-разному. Е. Кочеткова датирует начало работ 1954–1956 гг., когда проект БЦБК был первично одобрен в высших эшелонах власти СССР. П. Джозефсон и Н. Брейфогель говорят о конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири в Иркутске в 1958 г. как о поворотной точке в истории экономического освоения Байкала. Д. Винер обращает внимание на письмо лимнолога Г. Галазия в «Комсомольскую правду» в декабре 1961 г. как на первое извещение советского общества о целлюлозно-бумажном производстве на берегах озера.

Поскольку наше исследование фокусируется на научной и технической экспертизе, то для нас байкальская контроверза начинается 31 января 1962 г., когда Бюро Президиума СО АН СССР отправляет в Совет Министров письмо, в котором просит пересмотреть решение о строительстве целлюлозного завода на берегу Байкала. Аргументы Сибирского Отделения сводятся к тому, что строительная площадка в устье реки Солзан «отличается высокой сейсмичностью, не гарантирует заводские сооружения от разрушения и не обеспечивает надлежащей защиты Байкала от загрязнения сточными водами целлюлозного производства».¹¹ Уже в феврале сибирские академики во главе с М. А. Лаврентьевым пишут аналогичные письма в Академию строительства и архитектуры и Госстрой СССР.

Аргументы СО АН были основаны на двух заключениях ассоциаций отделения. 24 января 1962 г. Объединенный Ученый совет по геолого-минералогическим, геофизическим и географическим наукам СО АН пришел к выводам о сейсмической опасности района строительных площадок будущих Байкальского ЦБК и Селенгинского ЦКК (10 баллов по шкале интенсивности). А ранее межведомственная экспертная комиссия при Президиуме Восточно-Сибирского филиала СО АН СССР под руководством заместителя председателя президиума филиала М. М. Одинцова оценила проектное задание очистных сооружений

⁹ Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 190.

¹⁰ См.: Кузнецов И. С. Академгородок в 1975 году: как уходил Лаврентьев: опыт исторической реконструкции. Новосибирск, 2005.

¹¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 97. Д. 833. Л. 5.

Байкальского целлюлозного завода и нашла его неудовлетворительным.

Претензии относительно загрязнения вод Байкала токсичными стоками еще не раз встретятся по ходу байкальской контроверзы, однако они, похоже, не произвели особого впечатления на правительственных адресатов. Вопрос о промышленных стоках на протяжении десятилетий выглядел для экспертов и политиков как решаемый инженерными средствами, в отличие от аргумента про 10-балльную сейсмоопасность строительных площадок. Несмотря на то что в нашей версии событий байкальская контроверза только началась, вслед за январскими и февральскими письмами сибирских академиков сразу же следует, пожалуй, самая драматичная точка конфликта за следующие 30 лет.

Озеро Байкал и окружающие его территории являются частью Байкальской рифтовой зоны, зоны расхождения между Евразийской и Амурской литосферной плитами. Соответственно, здесь идут активные геологические процессы, а сейсмологическая экспертиза является необходимой при проектировании зданий. Проекты БЦБЗ и СЦКК были рассчитаны исходя из 9-балльной интенсивности землетрясений, а повышение иркутскими геологами оценок сейсмичности территорий в устье реки Солзан и в дельте Селенги до 10 баллов означало качественно иной уровень опасности.

14 марта 1962 г. в Госплан была направлена экспертная записка от Академии строительства и архитектуры СССР за подписью В. А. Кучеренко, в которой с опорой на сейсмологические данные Сибирского отделения говорится о нецелесообразности строительства Байкальского целлюлозного завода.¹² А уже 29 марта Е. П. Славский, министр среднего машиностроения, ведомству которого было поручено строительство предприятия,¹³ пишет А. Н. Косыгину записку, в которой констатирует прекращение строительства. Это произошло из-за того, что Госстрой СССР на основании экспертизы СО АН заблокировал дальнейшее выделение средств для БЦБК: «...в настоящее время мы лишены возможности приступить

к каким-либо основным сооружениям, в том числе к строительству постоянного жилого поселка, так как по данным Сибирского отделения Академии наук СССР выявлена весьма высокая сейсмичность (9–10 баллов) района строительства, что у ряда руководящих организаций СССР вызывает сомнение в возможности строительства завода и жилого поселка в этом районе (Государственный комитет по делам строительства СССР, Академия строительства и архитектуры СССР)».¹⁴

То, что впоследствии не удалось сделать двадцати годам споров о загрязнении вод чистейшего озера планеты, за месяц получилось у аргумента про сейсмоопасность. Работы по строительству комбината были остановлены, а сама его будущность была поставлена под сомнение. Окончательно решить вопрос о целесообразности строительства БЦБК и СЦКК должна была правительственная комиссия из представителей СМ СССР (А. А. Горегляд), СМ РСФСР (М. А. Яснов), Госплана (В. Э. Дымшиц), Госстроя (И. А. Гришманов), Академии строительства и архитектуры (В. А. Кучеренко), Государственного комитета по лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и лесному хозяйству (Г. М. Орлов).

В этой ситуации зимой–весной 1962 г. в Совет Министров СССР с мест идут письма поддержки сторонников комбинатов. Наиболее примечательны два сообщения от руководителей Бурятии в поддержку Селенгинского ЦКК. В описываемые годы в Бурятской АССР почти не было крупной промышленности, поэтому картонный комбинат представлял для региональных властей большой интерес как источник инвестиций и способ развития территории.

Не позже 31 марта 1962 г. бурятский обком КПСС и региональный Совнархоз отправляют в правительство записку, в которой пытаются оспорить аргументы Сибирского отделения АН СССР. Региональные политики рассуждают о качестве и напряжении грунтов на площадке комбината, свайных фундаментах, мощности сейсмических толчков на территории во время зафиксированных землетрясений.¹⁵ Судя по всему, эта записка не имела последствий, сибирские академики на нее не реагировали, а экспертный тон бурятского руководства не

¹² См.: Там же. Л. 73–74.

¹³ БЦБК должен был производить особо качественную целлюлозу, из которой предполагалось создавать особо прочный корд. Этот корд предполагалось использовать для производства шин для колес самолетов стратегической авиации. Перспектива военного использования продукции БЦБК объясняет его строительство силами атомного Министерства среднего машиностроения.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 97. Д. 833. Л. 43–44.

¹⁵ См.: Там же. Л. 68.

был оценен правительством Союза. Поэтому 12 апреля 1962 г. на имя Косыгина была отправлена еще одна телеграмма из Улан-Удэ, в которой была испробована иная коммуникативная тактика. Приведем эту телеграмму полностью:

«Бурятский обком КПСС, Совет министров и Совнархоз категорически возражают против утверждения Сибирского отделения Академии наук повышенной сейсмической бальности района строительства Селенгинского целлюлозно-картонного комбината. Утверждения профессора Солоненко необходимости повышения утвержденной институтом физики земли бальности противоречивы необъективны. Учитывая большое государственное значение стройки больших вложенных капиталовложений убедительно просим проведение микросейсморайонирования предлагаемого комиссией составе товарищей Дымшица, Орлова, Яснова поручить большей объективности Институту физики Земли или Грузинской академии наук».¹⁶

Эта телеграмма разительно отличается от предыдущей записки, которая не была воспринята правительством ни как экспертная, ни как политическая. Бурятские руководители указали конкретную организацию — Сибирское отделение АН СССР — и конкретного эксперта — иркутского сейсмолога В. П. Солоненко, — чьи выводы их не устраивали. Неустраивающим экспертам были противопоставлены другие эксперты аналогичного статуса — центральный Институт физики Земли АН и Институт строительной механики и сейсмостойкости АН Грузинской ССР. Предложения бурятских властей ограничиваются уточняющим микросейсморайонированием от незаинтересованных ученых, которое могло бы опровергнуть экспертизу Сибирского отделения. Таким образом, региональные боссы играют по правилам составления научного высказывания и собирают в поддержку своей позиции коалицию влиятельных экспертов. И эта тактика принесет успех: как мы увидим ниже, выводы правительственной комиссии по Селенгинскому ЦКК будут максимально комплементарны предложениям руководителей Бурятской АССР.

В свою очередь, Г. М. Орлов и его Комитет по лесной промышленности реагировали на критику СО площадки БЦБК иначе, чем

бурятские руководители. Во время простоя стройплощадки они начали смещать объекты с самых сейсмоопасных зон участка, чтобы обеспечить себе таким образом желаемые 9 баллов максимальной интенсивности. На эту работу есть указание в цитированном письме Славского:

«Государственный комитет по лесной и бурной промышленности (т. Орлов), по имеющимся у нас сведениям, намечает промышленные объекты сдвинуть на несколько сот метров от намеченной ранее площадки, а жилой поселок перенести на другую площадку с целью избежать размещения промышленных объектов и поселка на территории 10-ти балльной сеймики».¹⁷

Смещение части строений БЦБК с наиболее опасной зоны в течение марта–апреля подтверждает и экспертиза «большой» Академии наук, представленная на заседании Президиума Совета Министров 25 апреля 1962 г. Это заседание было, по-видимому, наивысшим политическим уровнем обсуждения байкальской контрверзы: под итоговым постановлением правительства стоит подпись Н. С. Хрущева.

На заседании Президиума правительственная комиссия сообщила свои выводы по проблеме, а также было заслушано консолидированное мнение «большой» Академии наук, представленное ее президентом М. В. Келдышем. В целом позиция Академии наук в смягченной форме повторяла более ранние аргументы ее Сибирского отделения. Сейсмологический аргумент против площадки БЦБК Келдыш представил так: «...вероятность сильного землетрясения в районе размещения комбината невелика, хотя и не исключена. Разрушительный эффект землетрясения зависит от свойств грунта под основанием сооружений. <...> Подобный случай имел место и при выборе месторасположения комбината. Первоначальное расположение у уреза воды характеризовалось высоким уровнем грунтовых вод (3–5 м), что требует повышения бальности до 10. Отход от берега до 300–400 м улучшил положение и позволил сохранить бальность равную 9, характерную для всей зоны от р. Селенги до р. Ангары».¹⁸

Таким образом, Келдыш различает первоначальный — сейсмически неприемлемый — вариант расположения комбината и текущий,

¹⁷ Там же. Л. 43.

¹⁸ Там же. Л. 132.

¹⁶ Там же. Л. 119–120.

когда строительная площадка оказалась смещена от берега Байкала на несколько сотен метров. Цена этих сотен метров — возможность или невозможность строительства БЦБК в существовавшем проекте.

По итогам заседания Президиум правительства СССР согласился с выводами комиссии Госплана, Госстроя и Комитета по лесной промышленности, констатируя, что площадки для строительства БЦБК и СЦКК в целом выбраны правильно. Небольшой уступкой противникам целлюлозно-бумажной промышленности на Байкале был пункт постановления, обязывающий ведомство Г. М. Орлова «при уточнении проектов строительства Байкальского целлюлозного завода и Селенгинского целлюлозно-картонного комбината учесть замечания комиссии..., а также заключение Академии наук СССР и исходить из того, чтобы не допустить загрязнения озера Байкал сточными водами».¹⁹ Эти положения позволили продолжить дискуссию по вопросам очистных сооружений обоих предприятий, а также надеяться на возможность изменений в проектах.

Однако ровно через год 24 апреля 1963 г. Сибирское отделение АН СССР отправляет в адрес ВСНХ СССР, Президиума АН СССР и Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров предложение прекратить строительство Селенгинского ЦКК, форсировать проектные работы по очистным сооружениям БЦБК с одновременным проектированием водовода для сброса стоков предприятия в реку Иркут, а также запретить молевой сплав леса по Байкалу и его речным притокам. Нас в первую очередь интересует пункт о прекращении строительства СЦКК «ввиду неизбежного удорожания строительства вследствие крайне неблагоприятных сейсмических и инженерно-геологических условий (сеймика до 10 баллов, грунты-плавуны)».²⁰

Приведенная цитата свидетельствует о том, что сейсмологический аргумент Сибирского отделения против целлюлозно-бумажного производства на Байкале снова стал актуален. После смещения части площадки БЦБК аргумент уже не работал против этого предприятия, но продолжал быть действенным против строящегося Селенгинского ЦКК. В своих предложениях Президиум СО АН опирался на

докладную записку директора Института земной коры СО АН М. М. Одинцова и директора Лимнологического института Г. И. Галазия о сейсмологических условиях так называемой Брянской площадки в дельте Селенги.

Вопрос о сейсмической угрозе в этой зоне не был разрешен зимой–весной 1962 г., а техническая экспертиза проекта СЦКК была поручена Госстрою СССР. Одинцов и Галазий отмечают, что выбор мест под оба комбината был осуществлен в 1955 г. вообще без геологической экспертизы, а инженерно-геологическая разведка строительных площадок была проведена только в 1961 г. для БЦБК и в 1962 г. для СЦКК. Интерпретация результатов последней в Госстрое и вызвала у иркутских ученых протест.

В начале апреля 1963 г. Госстрой направил на участки БЦБК и СЦКК комиссию технических специалистов в составе семи человек от ГПИ Водоканалпроект, НИИ Водгео, Института строительной механики и сейсмостойкости Грузинской академии наук. В отношении Селенгинского ЦКК комиссия по рекомендации инженерного сейсмолога Ш. Г. Напетваридзе дала двусмысленное заключение: «При сейсмичности в 9 баллов и неблагоприятных в сейсмическом отношении грунтовых условиях стройплощадки Селенгинского ЦКК, для проектируемых зданий Главного производственного корпуса ТЭЦ и древесно-подготовительного цеха, вполне достаточно принять расчетную сейсмичность 9 баллов, при условии осуществления особых конструктивных мероприятий по улучшению условий фондирования и повышения степени сейсмостойкости наземных строительных конструкций».²¹

Одинцов и Галазий атакуют это заключение на предмет соответствия строительным нормам и нормам сейсмомикрорайонирования. Они отмечают неблагоприятные грунты площадки строительства СЦКК, имеющие свойства плавунув. По их мнению, «в подобных грунтовых условиях остаточные деформации грунтов (осадки, провалы, грязевые извержения) начинаются при 7-балльных землетрясениях, а при 8-балльных землетрясениях они могут оказаться катастрофическими для сооружений».²² Иркутские ученые настаивают, что, согласно Инструкции по сейсмическому микрорайонированию от 7.04.1961, расчетная сила землетрясений в районе комбината и его жилого

¹⁹ Там же. Л. 130.

²⁰ Научный архив СО РАН. Ф. 68. Д. 400. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 133.

²² Там же. Л. 18.

поселка должна быть определена в 10 баллов. Кроме того, они ссылаются на изданную Стройиздатом (издательство Госстроя СССР) в 1962 г. монографию по инженерной сейсмологии, автор которой, С. В. Медведев из Института физики Земли АН СССР, рекомендует умножать величину сейсмического воздействия на коэффициент интенсивности. Так как для площадки СЦКК этот коэффициент колеблется от 1,2 до 2,6, повышение расчетной силы землетрясений на 1 балл до 10, по мнению Одинцова и Галазия, закономерно и соответствует текущим строительным нормативам (СН-8-57).²³ Далее иркутские ученые настаивают, что адекватные 10 баллам строительные меры непомерно удорожат строительство, которое проще и дешевле перенести в более безопасное место.

Повторно направляя свои предложения в правительство, Сибирское отделение, вероятно, рассчитывало на содержательный ответ и дискуссию с экспертами Госстроя. Результатом, однако, была не научная дискуссия, а демонстрация политических границ таковой. На предложения СО АН отреагировали три организации: Государственный комитет по лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, Бурятский областной комитет КПСС и Госстрой СССР.

Первым обстоятельный ответ дал руководитель Комитета по лесной промышленности Г. И. Орлов. В записке в правительство от 16 мая он отметил, что апрельская комиссия состояла из авторитетных и квалифицированных людей и все участники совещаний специалистов в Госстрое в Иркутске и Москве, за исключением М. М. Одинцова, В. П. Солоненко и Г. И. Галазия, были единодушны в оценке Брянского участка в 9 баллов. Также Орлов сослался на дополнительную экспертизу Института строительной механики и сейсмостойкости Грузинской академии наук, Ростовского и Красноярского НИИ по строительству Госстроя СССР, а также заведующего кафедрой динамической геологии МГУ Г. П. Горшкова. Наконец, министр отметил, что выгоды от продукции нового картонного комбината менее чем за год перекроют увеличение расходов на антисейсмические конструктивные работы.²⁴

Спустя три недели выступил Бурятский обком КПСС. Руководители региона также отметили авторитет членов комиссии Госстроя

и заявили, что «только Иркутский Институт земной коры СО АН СССР (проф. Солоненко) настаивает на сейсмичности в 10 баллов». Кроме того, в качестве финального аргумента они сослались на данные экспериментальных взрывов 1962 г., которые провел Красноярский НИИ по строительству Госстроя. Согласно бурятским партийцам, по этим данным сейсмичность Селенгинской площадки также не превышает 9 баллов.²⁵

Через месяц 4 июля попытку резюмирования дискуссии предпринял Госстрой СССР. В письме Госстроя в Совет Министров в очередной раз подчеркивались авторитет и квалификация членов апрельской комиссии ведомства, а кроме того, констатировалось, что «вопросы проектирования и дальнейшего строительства Селенгинского целлюлозно-картонного комбината и Байкальского целлюлозного завода решены и дальнейшее их обсуждение нецелесообразно».²⁶

В этом сюжете про СЦКК любопытно, что Сибирское отделение оказалось в ситуации, похожей на ту, в какой было бурятское руководство годом ранее, когда пыталось самостоятельно отстоять 9 баллов сейсмичности Брянского участка: по существу ему никто не ответил. Основной аргумент Солоненко и Одинцова в пользу 10 баллов заключался в том, что плывущие грунты требуют повышения оценки сейсмичности конкретно для этого участка и это соответствует советским инженерным стандартам, в то время как комиссия Госстроя этим стандартам почему-то не следует. Все ответчики Сибирского отделения проигнорировали этот неудобный аргумент. Кроме того, они не дали слова своим экспертам, предпочитая говорить за них и самостоятельно выстраивать мощную институциональную коалицию в пользу тезиса о 9 баллах. На фоне перечисления многочисленных научных и проектных институций в письмах Орлова и Госстроя как-то терялся факт, что для людей, имеющих отношение к сейсмологии, противостояние шло лишь между позицией Одинцова и Солоненко и позицией Напетваридзе.

Краткая история сейсмологических споров вокруг целлюлозно-бумажных комбинатов на Байкале представляется ценной прежде всего для обсуждения позднесоветской экспертизы.

²³ См.: Там же. Л. 16.

²⁴ См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 97. Д. 835. Л. 36–47.

²⁵ См.: Там же. Л. 57–58.

²⁶ Там же. Л. 60–62.

Мы свободно использовали этот термин по ходу текста, пришло время его проблематизировать. По мере возрастания потребности современных обществ в экспертах растет и число теоретизирующих это явление авторов. В своем компендиуме, посвященном понятию эксперта и социологическим дебатам вокруг этого понятия, современные социологи Н. Штейр и Р. Грундманн дают следующее описание эксперта: «Эксперты в современном обществе обеспечивают доступ к специальному знанию зримо растущим группам людей, которым нужен совет и которые ищут его».²⁷

Это функциональное описание хорошо объясняет, почему ядром любой концептуализации экспертного знания является вопрос о власти. Если зачастую эксперт не сам производит знание, к которому предоставляет доступ, еще меньше он распоряжается его судьбой после передачи, то каков его политический статус?

В самом общем виде можно сказать, что в зависимости от ответа на этот вопрос существует два основных подхода к экспертному знанию. Вслед за Т. Вебленом²⁸ технократическая традиция классиков социологии знания склонна видеть в экспертах скорее функцию, чем агентов. Это понимание с самого своего появления атакует поле STS с присущим ему конструктивистским пониманием науки и технологий как продукта взаимодействия социальных и политических сетей. Сторонники этого подхода настаивают, что научная чистота и объективность едва ли возможны в голове отдельного эксперта, а сам процесс отделения технических вопросов от политических уже есть политический акт, равно как и подбор экспертов. Ш. Джазанофф, одна из ведущих американских исследовательниц в области STS, даже назвала свою книгу о научных консультантах «Пятая власть», указывая на значительную роль этих людей в принятии властных решений.²⁹

Байкальская контроверза добавляет в эти дебаты советский контекст. С одной стороны, Советский Союз, как и любое развитое общество XX в., так же испытал на себе влияние возвышения экспертов. С другой — вне рыночные механизмы соединения политики, экономи-

ки и научного знания в СССР придавали этому процессу свою специфику. Исследованный нами сюжет при всей его краткости (чуть более года) показывает, во-первых, что байкальская контроверза — это история не только героического природоохранного движения, но и реального обмена аргументами между сторонниками и противниками комбинатов, который если и дирижировался политически, то только отчасти. Сейсмологический аргумент Сибирского отделения в 1962 г. более чем на месяц остановил строительство БЦБК, остановил в тот момент, когда аргумент военной целесообразности целлюлозного корда для авиации — главная причина проектирования завода — был еще в силе. Сибирское отделение убедило Госстрой рассмотреть вопрос о сейсмичности площадок — и ни ведомство Орлова, ни поддержка региональных боссов не смогли дать возможность могущественному атомному министерству продолжить работу. Только фактическое признание правоты СО АН и молчаливое перепроектирование площадки БЦБК Госкомитетом по лесному хозяйству позволили закончить строительство.

В свою очередь, неудачная история предложения СО АН прекратить работу над Селенгинским ЦКК демонстрирует советские правила игры. В спорной ситуации ответом на одну экспертизу были другая экспертиза и подбор сторонниками комбината нужных научных союзников. Эксперты Госстроя не ответили на возражения Одинцова, Галазия и Солоненко, но предприняли немало шагов, чтобы фундаментировать свою позицию. В этой части дискуссии еще более ярко проявилась граница между техническим обсуждением и политической волей. В апреле 1962 г. советское правительство возложило на Госстрой окончательную экспертизу проекта, и именно Госстрой в 1963 г. решал, продолжать или закончить дискуссию о сейсмичности участка СЦКК. Политическая позиция в этом столкновении проявилась не столько в конкретных позициях, сколько в способности Госстроя проводить границы экспертной дискуссии.

В случае Байкала, однако, происходит еще и активное вмешательство в дискуссию интеллектуалов (помимо экспертов). Штейр и Грундманн видят различие экспертов и интеллектуалов в том, что если первые обеспечивают доступ своим клиентам к специальному знанию, то последние обращаются ко всему обществу и черпают аргументы из знания

²⁷ Stehr N., Grundmann R. *Experts: The Knowledge and Power of Expertise*. London, 2011. P. 39.

²⁸ См.: Веблен Т. Б. *Инженеры и ценовая система*. М., 2018. С. 23–38.

²⁹ См.: Jasanoff Sh. *The fifth branch: science advisers as policy-makers*. Cambridge, 1990.

максимально обобщенного.³⁰ Парадокс в том, что ученые Сибирского отделения выступают одновременно в обеих позициях. Например, Г. И. Галазий одновременно пишет и максимально общую статью «Байкал в опасности!» в «Комсомольскую правду», и отстаивает 10-балльную сейсмичность Брянской площадки СЦКК, апеллируя к характеру грунтов и техническим строительным нормам. Дело не только в СО АН; здесь проявляется еще одна специфика советского контекста функционирования знания — его активистский характер. Практически все участники байкальской контрверзы не считали, что знание может существовать отдельно от экономической и политической практики. Даже внутренняя экспертная переписка в конечном счете содержит ценностные аргументы о том, в чем именно на 1962 или 1963 год

состоит благо для народного хозяйства и как именно наука должна ему помогать.

Резюмируя роль Сибирской академии, важно отметить, что экспертную позицию Сибирское отделение занимает самостоятельно. До 1962 г. ему никто не заказывал экспертизу байкальских заводов, более того, в рамках советского разделения труда между академической и ведомственной наукой Академия наук и не должна была заниматься такими вопросами. Уникальный на тот момент статус Сибирского отделения как приоритетной для освоения Сибири академической организации, политические связи при весьма относительной встроенности в местную административную вертикаль власти — это позволило ученым СО АН проявить невероятную до тех пор самостоятельность и как экспертам, и как публичным интеллектуалам.

Mikhail O. Piskunov

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

THE BAIKAL COUNTER-VERSION AND SOVIET SCIENCE EXPERTISE: A HISTORY OF ONE SEISMOLOGICAL DISPUTE (1962–1963)

The paper examines some beginning events of the Baikal discussion using the STS approach. The author addresses the disputes about seismicity of the Baikal Pulp and Paper Mill (PP M) and Selenga Paper Mill sites in 1962–1963 to identify the specifics of Soviet expertise and the role of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences as an expert. In February, 1962, the Siberian Branch approached the Council of Ministers of the USSR with the proposal to reject the construction of pulp and paper mills on Baikal because of the increased seismic hazard of the selected sites. The scientists of the Siberian Branch of the Academy of Sciences defined the latter as 10 points, after which the State Construction Committee banned further construction of the Baikal PP M until this circumstance was clarified. Finally, the government commission and additional construction experts estimated the sites of both plants at 9 points. The attempt of the Siberian Branch to challenge this conclusion was not successful. The author reconstructs the events of this counter-version and concludes that in the sphere of expertise the political moment of the Baikal discussion manifested itself not in the positions of the parties and not even in their arguments, but in the ability of government institutions to determine when the discussion was possible and when it should have stopped.

Keywords: *Baikal Controversy, Baikal Pulp and Paper Mill, experts, Siberian Branch of the Academy of sciences, environmentalism, STS*

REFERENCES

- Breyfogle N. B. At the Watershed: 1958 and the Beginnings of Lake Baikal Environmentalism. *Slavonic and East European Review*, 2015, vol. 93, no. 1, pp. 147–180. DOI: 10.5699/slaveasteurorev2.93.1.0147 (in English).
- Jasanoff Sh. *The fifth branch: science advisers as policymakers*. Cambridge; London: Harvard University Press, 1990. (in English).
- Josephson P. *New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian city of Science*. Princeton: Princeton University Press, 1997. (in English).
- Kochetkova E. Baikal Waters: Industrial Development and Institutional Debates, 1950s–1970s. *Place and Nature: Essays in Russian Environmental History*. Winwick: White Horse Press, 2021. (in English).

³⁰ См.: Stehr N., Grundmann R. Op. cit. P. 28, 29.

Kochetkova E. Between water pollution and protection in the Soviet Union, mid-1950s–1960s: Lake Baikal and River Vuoksi. *Water History*, 2018, vol. 10, iss. 2-3, pp. 223–241. DOI: 10.1007/s12685-017-0208-z (in English).

Kuznetsov I. S. *Akademgorodok v 1975 godu: kak ukhodil Lavrent'yeva: opyt istoricheskoy rekonstruktsii* [Akademgorodok in 1975: how Lavrentyev was leaving: an experience of historical reconstruction]. Novosibirsk: Klio Publ., 2005. (in Russ.).

Latur B. *Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society]. Saint Petersburg: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge Publ., 2013. (in Russ.).

Lubomudrov S. Environmental Politics in the Soviet Union: The Baikal Controversy. *Canadian Slavonic Papers*, 1978, vol. 20, iss. 4, pp. 529–543. DOI: 10.1080/00085006.1978.11091546 (in English).

Stehr N., Grundmann R. *Experts: The Knowledge and Power of Expertise*. London: Taylor & Francis Group, 2011. (in English).

Veblen T. B. *Inzheneriy i tsenovaya sistema* [The engineers and the price system]. Moscow: Izd. dom VShE Publ., 2018. (in Russ.).

Vek Lavrent'eva [The Age of Lavrentyev]. Novosibirsk: Geo Publ., 2000. (in Russ.).

Weiner D. R. *A Little Corner of Freedom. Russian nature Protection from Stalin to Gorbachev*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1999. (in English).

Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Posledneye sovetskoye pokoleniye* [Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2014. (in Russ.).

Для цитирования: Пискунов М. О. Байкальская контроверза и советская научная экспертиза: история одного сейсмологического спора (1962–1963 гг.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 78–87. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-78-87.

For citation: Piskunov M. O. The Baikal Counter-version and Soviet Science Expertise: A History of one Seismological Dispute (1962–1963) // Ural Historical Journal, 2022, no. 2 (75), pp. 78–87. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-78-87.